

Можно с достаточной долей уверенности констатировать, что новый перевод имеет как свои плюсы, так и минусы и, к сожалению, не устраняет недостатки первого, а подчас и усугубляет их.

Тем не менее новые переводы – это, в первую очередь, свидетельство того, что к автору и его произведениям все еще проявляется интерес, что произведение еще живо, но только ни в коем случае не следует смотреть на повторный перевод как на некое соревнование двух переводчиков. Однако если новый перевод не устраняет недостатки предыдущего, а дополняет его новыми неточностями и откровенными ошибками, то зачем такой перевод нужен?

Здесь как раз уместно обратиться к В. Набокову, призывавшего переводчика подводить читателя к переводу, а не перевод – к читателю. Главная задача переводчика, которому читатель безусловно верит, должна заключаться в абсолютно правдивом, точном и ясном, не искаженном собственными прихотями переводчика переложении произведения на литературном языке, не в попытке потрафить прихотям части читающей публики, а в прагматической адаптации текста в первую очередь для вдумчивой читательской аудитории, в воспитывающем влиянии идей произведения, ставшего мировой классикой. И если К. Чуковский назвал художественный перевод «высоким искусством», то и перевод должен соответствовать этому высокому уровню, а для этого переводчику требуются глубокие знания иностранного и родного языков, приличный багаж фоновых знаний, дабы в тексте перевода не появлялись непростительные ошибки и неточности, и, не в последнюю очередь, стремление постигнуть текст даже в самых ничтожных мелочах.

## **С. И. Шафаренко**

### **ДЕШИФРОВКА ЕГИПЕТСКИХ ИЕРОГЛИФОВ**

Дата 19 мая 1798 г. стала знаменательной в истории Франции и Египта. Из французского порта Тулон в Средиземное море вышла эскадра, состоящая из двухсот кораблей, на борту которых находились 34 тыс. человек. Так началась египетская кампания Наполеона. К армии присоединилась научно-исследовательская экспедиция в составе более ста ученых с целью создания при французской Академии Института Египта. 1 июля французские войска, не встретив никакого сопротивления, высадились в Александрии.

В середине июля 1799 г. на левом берегу западного (Розеттского) рукава Нила в процессе земляных работ по сооружению укрепления была обнаружена базальтовая плита, на которой были вырезаны три надписи: сделанные египетскими иероглифами, неизвестными ученым знаками и древнегреческими буквами.

Из греческого текста стало известно, что на плите высечен декрет египетских жрецов, изданный во втором веке до н.э. по случаю воцарения нового правителя Египта Птолемея Эпифана. В последней строке говорилось, что данная надпись тройная – она высечена «туземными, священными и греческими письменами».

Первая попытка дешифровки средней надписи была сделана основателем школы французских арабистов Антуаном Сильвестром Де Сиси, которого прельстило внешнее сходство странных письмен с буквами еврейского и арабского алфавита. Опираясь на отдельные замечания Геродота, Страбона, Цицерона, Диодора Сицилийского и Плиния Старшего, которые говорили о существовании коптско-египетского (демотического) алфавита, и воспользовавшись законом математических пропорций, Юнг разбил текст на отрезки и, сопоставляя греческий и «туземный» тексты, обнаружил имена собственные Александр, Птолемей, Арсиноя и название города Александрия. Однако дальнейшие его изыскания зашли в тупик.

Более серьезный и значимый шаг к дешифровке демотического и иероглифического письма был сделан английским физиком, физиологом и врачом Томасом Юнгом. Применяя методы точного научного анализа, Юнг находит глубокое внутреннее сходство между иероглифами и демотической скорописью и приходит к выводу, что скоропись – это те же иероглифы, только упрощенные и схематизированные. Юнг насчитал на Розеттской плите более ста скорописных «туземных» знаков. Установив в то же время полное соответствие скорописных письмен и иероглифов, он приходит к выводу, что иероглифы определяют не звуки речи, а ее смысл. От распознавания имен собственных, которым преимущественно занимались его предшественники, он смело перешел к распознаванию египетских слов. Он уже «читал» весь туземный текст. Однако чтение было своеобразным: оно заключалось в угадывании смысла отдельных иероглифов и целых иероглифических групп, что впоследствии оказалось верным, так как значение более семидесяти иероглифов и иероглифических групп он угадал совершенно точно.

Следующим этапом его работы было распознавание звуков-букв. По его мнению, для них в египетском письме не было места. Исключение составляли иноземные, в частности греческие, имена, звучание которых никак не передать с помощью иероглифов. Тем более, что это были имена царей и цариц, которые было легко определить по явному признаку, они обведены овальной рамкой – картушем. Однако недооценка свидетельства греческих писателей о существовании в египетской иероглифической системе звуковых знаков сузила исследовательскую базу Юнга, не понявшего роли фонетического принципа, позволив ему допустить ошибку, признавая за иероглифами лишь смысловое значение и отрицая звуковое. Он считал, что иероглифы передают звуки только в том случае, если они заключены в рамку, то есть в именах собственных греческих царей. Сделав эти принципиальные ошибки, он лишил себя возможности разобраться в иероглифах до конца.

Честь дешифровки древнеегипетских иероглифов принадлежит французскому ученому Жану Франсуа Шампольону. Еще учеником лицея в Гренобле он решил написать большой труд, названный им «Египет при фараонах». 1 сентября 1807 г. он сделал в гренобльской Академии сообщение о плане

своей работы и даже представил свой эскиз географической карты Древнего Египта. В результате сообщения он, шестнадцатилетний юноша, был избран членом гренобльской Академии.

В 1808 г. в Париже Шампольону удалось познакомиться с копией Розеттского камня. Исходя из данных Плутарха о наличии в египетском письме 25 букв, путем сопоставления отдельных знаков Розеттского камня со знаками иероглифического папируса он правильно установил значение некоторых демотических знаков. Однако он отказывается от признания фонетического характера за иероглифическими знаками, продолжая рассматривать иероглифическое письмо как идеографическую систему, тем самым повторяя ошибку своих предшественников. Вскоре Шампольон делает важное открытие: в Египте было не *две*, а *три* системы письма, которые генетически неразрывно связаны друг с другом. Дальнейшие исследования заставили его отказаться от ошибочной точки зрения; теперь он убежден в том, что египетское письмо в основе своей – не символическое, а звуковое, значит, должны быть иероглифы-буквы. Вернувшись к открытому Юнгом имени Птолемея, он переписывает имя сначала иератическими знаками, а затем каждый иератический знак заменяет соответствующим иероглифом. Иероглифы, которыми он написал имя Птолемея, совпали с известными ему иероглифами в рамке-картуше, и таким образом Шампольн установил точное соответствие демотических букв и иероглифов. Однако он задавался вопросом, пользовались ли этим алфавитом египтяне раньше. Может быть, он пригоден для написания лишь иноземных имен? Может быть, появление алфавита – результат греческого влияния?

14 сентября 1822 г. вошел в историю науки как день рождения *египтологии*. В руки Шампольона попадают копии с надписей в древнем египетском храме. Два имени были заключены в картуш – это были имена двух египетских фараонов: Рамсес и Тутмос. На этом основании Шампольон делает вывод, что древние египтяне пользовались иероглифическим алфавитом для передачи *любых* имен, а не только чужеземных. Тутмос жил раньше Рамсеса, лет за двести до него. О существовании этих древних правителей Египта было известно лишь из греческих книг, а теперь Шампольон первый прочел эти имена на языке подлинника и за ними увидел стройную систему грамматических правил. Это открытие дало ему возможность найти ключ к фонетической системе. Назвав ее *полуалфавитной*, поскольку она так же, как и семитические системы письма передает только «остов» слова, зачастую игнорируя гласные звуки, и в связи с этим Шампольон излагает *акрофонический* принцип образования алфавитных знаков. Тайна египетских иероглифов была открыта, и тысячи древних текстов стали доступны прочтению.

И если как в военном, так и в политическом отношении экспедиция Наполеона потерпела полную неудачу, то ее научное значение трудно переоценить. Глубокий пласт духовного наследия Древнего Египта, который на протяжении тысячелетий оставался тайной, стал достоянием мировой культуры.